

Мать Ци никак не ожидала, что Сун Цинфэн сумеет ответить и так. А потом снова посмотрела на его железные кулаки, на крепкие бугры мышц. Да если такой кулак обрушится на неё, разве не прибьёт насмерть одним ударом?

Она снова вгляделась в Сун Цинфэна и наконец вспомнила, почему он показался ей знакомым и где она его видела. Да это же мясник с мясного ряда в городе!

Она видела, как он таскал свиней. Свинью в двести-триста цзиней он взваливал на плечи и нёс как ни в чём не бывало. С такой силищей прибить одного-двух человек разве не плёвое дело?

Подумав об этом, мать Ци поспешно спряталась за спины двух сыновей, но при этом всё ещё бормотала:

— У-убивать людей закон запрещает! За это... за это в тюрьму сажают!

Ци Шань чувствовал, что мать пришла только всё испортить. Он же говорил ей: не ходи, не ходи. А она тайком развернулась и тут же примчалась в деревню Шанхэ. Ци Шань сначала хотел потянуть время. Думал, что пройдёт несколько дней, Цинчжу остынет. Он всегда был мягкосердечным; тогда Ци Шань скажет несколько ласковых слов, поугуваривает и непременно сумеет склонить его сердце обратно.

План был хорош. Только мать всё разрушила. Устроила эту сцену - разве это не подлило масла в огонь?

Да и сам Ци Шань слишком уж красиво всё себе вообразил. Раз Ло Цинчжу прежде ради него во всём уступал, значит, и на этот раз уступит. По его мнению, это правда не было большим делом. Он сам не возражал, что его супруг вступит в такую связь с его младшим братом, так что же Цинчжу ещё придирается?

Впрочем, ладно. Не хочет, и не надо. Можно жить и без ребёнка.

Он всё это обдумал и ещё считал себя понимающим, великодушным. Глядя на Ло Цинчжу, который держал письмо о разводе и «капризничал», Ци Шань вздохнул и сказал:

— Цинчжу, хватит шуметь. Я не соглашусь на развод. Если ты ещё злишься, поживи у матери ещё несколько дней. Через какое-то время я снова приду за тобой. Мы женаты уже пять лет. Как можно сказать «разведёмся» и сразу развестись? Я знаю, ты злишься на меня. В том деле я и правда помутился рассудком, я виноват перед тобой... Но ведь ничего же не случилось, правда? Я сам не возражаю, так из-за чего ты ещё переживаешь? Давай считать, что это дело прошло. Я обещаю, что больше так не сделаю! Мы будем жить, как прежде. Я буду относиться к тебе ещё лучше.

...

Лю Гуюй и Цинь Жунши вернулись как раз в этот момент. Сегодня торговля шла хорошо, Лю Гуюй сиял от радости и всю дорогу напевал песенку. Но, добравшись до ворот дома, он увидел, что там собралось немало людей. Пришли из семьи Ци.

Ещё мгновение назад Лю Гуюй улыбался, а увидев неприятных людей, мгновенно перестал улыбаться.

— Тьфу, — Лю Гуюй скривил губы, спрыгнул с ослиной повозки, подошёл к Ци Шаню и остальным и насмешливо сказал: — Опять спектакль начали?

Сказав это, он упёр руки в бока и громко добавил:

— Спойте-ка с самого начала. Мы с эрланом начало не услышали... А, точно, бесплатно же? Денег не возьмёте? Если платно, мы смотреть не будем!

В это время Цинь Жунши уже привязал ослиную повозку и тоже подошёл. Он нахмурился, взглянул на Ци Шаня, чей взгляд постепенно становился мрачным и пугающим, а потом потянул Лю Гуюя на два шага назад и сказал:

— Держись подальше. Если бешеная собака укусит, можно умереть.

Лю Гуюй приподнял бровь и повернулся к Цинь Жунши, собираясь поддразнить его: мол, и ты научился шутить. Но, обернувшись, увидел, что лицо Цинь Жунши совершенно серьёзно, будто он вовсе не шутил.

Ло Цинчжу уже увидел, насколько бесстыжим может быть Ци Шань. Теперь, что бы тот ни говорил, он уже не удивлялся. Только в сердце всё равно оставалась горькая насмешка. Он глубоко вдохнул, посмотрел на Ци Шаня, потом на Ци Шу, который прятался сзади, опустив голову и не смея показаться людям, и слово за словом спросил:

— Ты не хочешь подписывать письмо о разводе?

Ци Шань снова и снова замотал головой. Он правда любил Цинчжу и не хотел с ним расставаться.

Ло Цинчжу же кивнул и сказал:

— Хорошо. Раз так, мне остаётся только обратиться в управу и просить уездного судью постановить наш разрыв по закону.

Ци Шань резко вздрогнул и вскинул голову, глядя на Ло Цинчжу. Его лицо было твёрдым и решительным, в нём больше не осталось прежней нежности.

И именно в этот миг Ци Шань вдруг понял: Ло Цинчжу не капризничает. Он правда больше не хочет его видеть.

Ци Шань наконец запаниковал. Он сделал два шага вперёд, желая схватить Ло Цинчжу за руку, и сказал:

— Цинчжу...

Но едва он произнёс эти два слова, как рядом с ним мать Ци снова взвилась от злости, упёрла руки в бока и с презрением сплюнула.

— Разрыв по закону?! Ло Цинчжу, да кто ты такой, чтобы ещё и до управы это доводить? Чем моя семья Ци тебя обидела? В чём мы тебя ущемили? Ты скажешь «разрыв по закону», и уездный судья сразу его постановит? Управа, что ли, твоя?

«Разрыв по закону» означал, что одна сторона брака совершила тяжкий проступок, например муж избил или даже убил родителей жены; тогда можно было просить управу вынести решение о принудительном расторжении брака. Если такой разрыв действительно утверждали, дело становилось серьёзным. Виновная сторона, скорее всего, уже всю жизнь не смогла бы жениться или выйти замуж, а репутация была бы полностью разрушена. И не только ему самому пришлось бы всю жизнь ходить холостяком: если в семье были братья, им тоже было бы трудно найти жён.

Услышав, что мать Ци снова начала скандалить, Ци Шань застрял с целой грудой слов в горле: ни проглотить, ни выплюнуть. От злости лицо его налилось багровым. В конце концов он резко дёрнул мать Ци за рукав и безумно заорал:

— Мама! Ты можешь хоть немного помолчать?!

Он выкрикнул это словно в припадке. Даже Ци Шу, чувствуя вину, потянул мать Ци за рукав и тихо пробормотал:

— Да, мама... не говори больше...

Чем больше она говорила, тем хуже всё становилось! Ци Шу теперь тоже жалел. Тогда не надо было соглашаться на просьбу старшего брата! Всё из-за него!

В этой семейке каждый был «особенным». Ци Шу, который мог согласиться на то, чтобы изнасиловать фулана своего старшего брата, сам, конечно, тоже не был хорошим человеком. Просто после того, как дело вскрылось, он инстинктивно сваливал всю вину на Ци Шаня.

Мать Ци не понимала, что происходит. Она правда считала, что их семья ни в чём перед Ло Цинчжу не виновата. Ло Цинчжу вошёл в их дом пять лет назад. Первые два года она и сама

относилась к нему неплохо. Лишь потом, видя, что его живот всё никак не подаёт признаков беременности, стала немного строже. Но самое большее - только на словах была резка. В еде и одежде его никогда не обделяли. Её сын любил его: получив плату за работу, сразу покупал этому гэру всякие сладости да одежду. Даже если бы мать Ци хотела что-нибудь у него урезать, у неё не было такой возможности.

Если уж говорить начистоту, самым чрезмерным было разве что то, что недавно она ударила Ло Цинчжу по лицу! Но даже из-за этой пощёчины её сын Ци Шань ещё долго её попрекал, отчего мать Ци стала ещё сильнее недовольна Ло Цинчжу. Но в какой семье невестку свекровь не наставляет, не бранит, не бьёт? Неужели только из-за этого уездный судья постановит разрыв по закону? Это всё потому, что её сын за него заступался. Вот кости у этого дрянного гэра и становились всё твёрже!

Подумав об этом, мать Ци ещё сильнее разозлилась.

Линь Синь-нян тоже злилась так, что зубы сводило. Ей хотелось броситься вперёд и снова дать этой бесстыжей троице несколько пощёчин. Но сегодня Линь Синь-нян уже немало потрудились: была так, что ладонь онемела, и правая рука до сих пор дрожала.

Всё равно зеваки вокруг уже разошлись. Остались только семья Ланьфан и охотник Сун, а они все знали, что случилось с Цинчжу, так что бояться было нечего.

— Ци! Да ты слепая и чёрствая! Сама спроси своих двух хороших сынков, что они натворили! Такое, что даже родным отцу и матери сказать не смеют!

Эти слова Линь Синь-нян говорила уже не впервые. Сердце матери Ци ёкнуло. Она невольно повернулась и взглянула на двух сыновей, испугавшись, что тут и правда есть что-то, чего она не знает. Едва обернулась, как увидела: лицо старшего сына становилось всё мрачнее, а младший и вовсе будто хотел зарыться головой себе в грудь, виноватый до невозможности.

...Неладно. Неладно.

Мать Ци только успела пробормотать это про себя, как стоявшая напротив Линь Синь-нян снова заговорила.

— Твой хороший сын! Сам негоден, ребёнка зачать не может, так попросил младшего брата помочь! Я полжизни прожила, а ещё не видала такого мужика, чтобы он опоил собственного фулана, а потом просил родного брата с ним дело сделать... Хороших сыновей ты воспитала! Хуже скота! Зря только человеческую кожу носят! Побила я его, и что? То, что я его до смерти не забила, так это только силы у меня не хватило! Сама скажи! Этого достаточно, чтобы управа постановила разрыв по закону?!

Внешне Ци Шань пытался держаться спокойно, в душе тоже уверял себя, что это не такое уж большое дело. Но если говорить по правде, неужели он правда не понимал, что это

неправильно?

Нет. Он прекрасно понимал.

Именно потому, что он понимал, он и не осмелился рассказать даже родным отцу и матери. Именно поэтому он решился тайком проверить всё только тогда, когда обоих стариков не было дома!

Мать Ци и правда ничего не знала. Услышав слова Линь Синь-нян, она будто получила удар громом среди ясного неба. Все заготовленные в голове слова разлетелись в прах. Она широко раскрыла глаза, оглянулась на Ци Шаня, потом на Ци Шу. Оба брата опустили головы, а Ци Шу и вовсе в отчаянии присел на корточки, схватился за голову и закричал:

— Это всё брат меня умолял! Это он меня просил! К тому же ведь ничего не вышло! Разве невестка в ту ночь не убежал?!

Увидев реакцию братьев и услышав слова Ци Шу, мать Ци поняла: всё это правда. Лицо её было полно потрясения. Тело невольно качнулось, горячая кровь ударила в голову, перед глазами всё почернело, ничего стало не видно, только в ушах не переставая гудело. Ещё немного, и она бы рухнула на землю.

— Да... Дашань?!

Мать Ци будто впервые увидела собственного старшего сына. Красными от ужаса глазами она смотрела на него и дрожащим голосом спросила:

Как такое могло быть? Как он мог? Как её сын мог совершить такое?

Мать Ци не любила Ло Цинчжу не только из-за того, что за пять лет у него не было детей. Ло Цинчжу был трудолюбивым, почтительным, с хорошим характером. Когда такой фулан только вошёл в дом, она тоже была им очень довольна. Но такого человека кто бы не любил? Её сын любил его ещё сильнее!

Ци Шань очень хорошо относился к Ло Цинчжу. Настолько хорошо, что это уже превосходило отношение к ней, родной матери, и вызывало у неё недовольство. После свадьбы Ци Шань уже не хотел отдавать весь заработок семье, а половину оставлял Ло Цинчжу. Кроме того, он часто покупал ему еду, одежду; увидев какую-нибудь свежую диковинку, обязательно приносил домой, чтобы тот посмотрел и поиграл. Даже когда она раньше нарочно изводила Ло Цинчжу, заставляя его зимой стирать одежду всей семьи в холодной воде, Ци Шань жалел его и ещё помогал рядом.

Мать Ци прожила уже немало лет. В деревне, конечно, встречались мужчины, которые любили жён или фуланов, но таких, как её сын, было всё же мало. Именно поэтому мать Ци никак не

могла представить: её сын так любил Ло Цинчжу, как же он мог совершить подобное?!

Но не только мать Ци не могла в это поверить. Сам Ло Цинчжу тоже не мог. Именно потому, что Ци Шань был к нему добр, он терпел придирки свекрови ради него. Кто же мог знать, что Ци Шань сделает то, чего даже мать Ци не смела представить? Вот что причиняло Ло Цинчжу самую глубокую боль.

— Дашань!! Скажи же что-нибудь!! Это... это правда ты сделал?!

Мать Ци в волнении затрясла Ци Шаня за руку, но Ци Шань не обратил на неё внимания. Он только пристально смотрел на Ло Цинчжу.

— Если дойдём до ямена, это дело уже не удастся скрыть. Цинчжу, ты свою репутацию не хочешь сохранить?

Ци Шань считал, что говорит с ним по-доброму и пытается вразумить, но для Ло Цинчжу эти слова прозвучали как угроза. Раз всё дошло до такого, Ло Цинчжу и правда почувствовал, что уже ничто не важно. Он уже бросался в реку, он даже смерти не боялся. Так разве он станет бояться людских пересудов?

Ло Цинчжу сказал:

— Тогда будем разбираться. И не просто разбираться, я ещё и подниму шум. Ци Шу хотел обесчестить свою невестку. Разве я не могу подать на него жалобу в ямен? согласишься на развод - мы сделаем всё тихо. Не согласишься - я отправлю твоего брата в тюрьму.

Ло Цинчжу был стройным и высоким, человек, как его имя, словно стройный зелёный бамбук. И говорил он тоже мягко, негромко; даже когда злился, всё равно говорил так же. Но именно такой, на вид мягкий и легкоранимый гэр, сумел дойти до этого шага. Лю Гуюй невольно посмотрел на него иначе.

Он приподнял бровь и подкинул ещё хвороста в огонь. Лю Гуюй ткнул Цинь Жунши и нарочно громко спросил:

— Эрлан, а как по закону за такое полагается наказывать?

Цинь Жунши тоже подыграл и, повысив голос, ответил:

— За прелюбодеяние - удушение. Если преступление не доведено до конца, то сто ударов палками и ссылка за три тысячи ли. Младший брат, посягнувший на старшую невестку, нарушает устои родства, за это наказание ещё тяжелее.

Лю Гуюй кивнул, хлопнул в ладоши и продолжил:

— Давайте, я вам переведу. Хоть дело и не удалось, наказания всё равно не избежать. Самое лёгкое - сто ударов палками и ссылка на три тысячи ли. А Ци Шу, как младший брат мужа, пытался надругаться над своей невесткой, нарушил родственные устои, так что наказание будет ещё тяжелее. Боюсь, там не только сто ударов выйдет!

— Ах да... вы знаете, что такое наказание палками? Это такая толстая и такая длинная дубина, обитая медью. Ею бьют по спине, ягодицам и бёдрам. После двадцати ударов кожа уже лопается, после сорока видны только кровь и мясо, а кожи почти не остаётся. Если и правда добьют до ста... тут уж неизвестно, останется ли человек жив. Как повезёт.

Ци Шу слушал, выпучив глаза. Его трясло всё сильнее, он явно перепугался до смерти.

Он с глухим стуком рухнул на колени. Сначала вцепился в подол матери Ци и, ударяясь лбом о землю, закричал:

— Матушка! Матушка! Спаси меня! Спаси меня! Я не хочу умирать! Сто ударов... от этого правда можно умереть!

Потом он повернулся к Ло Цинчжу и стал биться головой уже перед ним, умоляя:

— Невестка! Невестка, я виноват! Я был неправ! Это всё старший брат велел мне! Это он меня упросил! Я виноват! Я больше никогда не посмею! Пощади меня на этот раз!

Мать Ци тоже перепугалась. Лицо у неё побелело. Она понимала, что её сыновья сотворили бесчеловечную вещь. Но сын есть сын. Разве могла она не вступитьсь?

Она сглотнула и, запинаясь, сказала:

— Чи-чиновники... откуда они узнают, что это мой сын сделал?! На суде мы будем стоять на своём и ни за что не признаемся! Скажем, что это этот подлый гэр сам соблазнил Сяо Шу! Мы ещё и сами подадим жалобу, скажем, что он не соблюдал супружеской добродетели!

Лю Гуюй закатил глаза.

— Да хватит уже! Вам мало здесь спектакль разыгрывать, вы ещё и в суде хотите? Только господин уездный судья за такое представление вам денег не даст! Вы думаете, уездный судья зря свой рис ест? Он полжизни дела разбирает, его можно обмануть парой фраз? Ты тут передо мной уже так перепугалась, что слова связать не можешь, а ещё мечтаешь провести господина судью?□□

— А потом вам зажмут пальцы в колодки, приложат раскалённое клеймо, ещё и бамбуковой дощечкой по рту отходят! Вот и скажи, что из этого ты выдержишь? И ещё дурманное зелье, которое купил Ци Шань! С чего бы нормальному человеку покупать дурман? Не спалось, решил сам себя усыпить? Вы думаете, уездный судья и яменские стражники станут слушать ваш бред и ничего не смогут выяснить?

— Ах да... Ци Шань ведь тут, выходит, главный зачинщик? Ци Шу, я тебе подскажу: когда окажешься в суде, сразу выдай своего старшего брата. Разве не он заставил тебя это сделать? Честно признаешься, глядишь, наказание ещё смягчат.

Стоило Лю Гую произнести последнюю фразу, как взгляд Ци Шу тут же изменился. Глаза его забегали, а потом он злобно уставился на Ци Шаня.

— Брат! Это ты велел мне это сделать! Ты не можешь бросить меня! Если я... если меня... тебе тоже несдобровать!

Мать Ци разрыдалась ещё сильнее, обняла Ци Шаня и завывала:

— Сынок! Хватит, хватит уже... Разве мало на свете гэров? Разойдись с ним, мать тебе другого, хорошего, подыщет! Твой младший брат важнее! Нельзя же и правда смотреть, как Сяо Шу забьют до смерти!

Ци Шань яростно смотрел на всех вокруг. Рана у него на лбу, неизвестно когда, снова разошлась, и кровь потекла вниз, заливая глаз, оттого даже взгляд его будто окрасился багровым.

Он дрожащим пальцем указал на Ло Цинчжу. Палец дважды дёрнулся, прежде чем он выдавил:

— Хорошо... Ло Цинчжу, ты достаточно жесток. Развод... я подпишу. Я разведусь с тобой.

Говоря это, он заплакал. Слезы смешались с кровью и потекли по лицу, размазываясь грязными полосами. Выглядел он так, будто это Ло Цинчжу был перед ним виноват!

Ло Цинчжу молча взял письмо о разводе и спокойно собирался подойти. Но не успел он сделать и шага, как Сун Цинфэн преградил ему путь. Он взглянул на Ло Цинчжу и тут же поспешно отвёл глаза, тихо сказал:

— Не подходи. Я отнесу ему.

Сказав это, Сун Цинфэн без лишних разговоров забрал из рук Ло Цинчжу письмо о разводе, большими шагами подошёл к Ци Шаню, грубо схватил его за руку и, воспользовавшись кровью на его пальцах, ткнул ею в бумагу, оставив ярко-красный отпечаток.

Ци Шань уставился на свой кровавый отпечаток на письме о разводе. Его качнуло, он без сил отступил на пару шагов, а слёзы на лице покатились ещё сильнее, будто он и впрямь был убит горем.

Мать Ци всё же жалела сына. Она поспешно шагнула вперёд, поддержала его и потянулась рукавом, чтобы вытереть кровь с его лба. Но именно в этот миг Ци Шань резко оттолкнул её и с яростью заорал:

— Всё из-за тебя! Ну что, теперь довольна?! Если бы ты день за днём не орала дома, не твердила бесконечно: «ребёнок, ребёнок», разве я бы потерял голову и натворил такое?! Разве Цинчжу развёлся бы со мной?! Всё из-за тебя!

Сказав это, он оттолкнул мать и Ци Шу, развернулся и убежал.

Мать Ци застыла на месте. Если бы Ци Шу вовремя не поддержал её, она, пожалуй, уже упала бы на землю от этого толчка. Её рука оцепенело зависла в воздухе. Она тупо смотрела вслед убегающему Ци Шаню, рот её был приоткрыт, глаза полны потрясения.

В следующую секунду глаза матери Ци закатились, и она, доведённая до обморока, рухнула без чувств.

Примечание автора: процедура развода по взаимному согласию на самом деле довольно хлопотная: нужны свидетели из старших родственников, старейшин рода или старосты, а ещё запись и регистрация в соответствующей яменской канцелярии. Но это дело в тексте уже тянется несколько глав, так что последующие формальности подробно описывать не буду.

<http://bllate.org/book/17177/1657932>